

Ильницкий К.О.
ПРОЕКТЫ УСТАВОВ О ЦЕНЗУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственный архив Российской Федерации обладает важнейшими архивными источниками по исследованию законодательства о цензуре Российской империи XIX века. Например, проекты уставов о цензуре рассматривались достаточно подробно. Их публиковали; обсуждение велось в официальной и частной переписке.

Узаконения о цензуре неоднократно пытались систематизировать посредством принятия специальных уставов. Первый устав о цензуре в России был принят в 1804 г., как «акт чрезвычайной важности» [1, с. 99].

Е.Н. Трубецкой акцентировал свое внимание на создании системы из-за множества законодательных актов, принятых ввиду различных обстоятельств на основании огромного количества запросов и потребностей общества. Масса юридических документов и нормативных актов делает очень трудной работу с ними, а, следовательно, и применение их на практике, в том числе из-за противоречия друг с другом. Поэтому можно говорить о потребности в обработке, сведению существующих законов в одно целое и созданию единого порядка [2, с. 125].

Систематизация законодательства о производстве цензурных дел позволила сгруппировать большое количество нормативных правовых актов этой сферы правоотношений. Так, например, в материалах по пересмотру цензурного устава от 10 июня 1826 г. и разработке нового цензурного устава от 22 апреля 1828 г. отмечалось следующее: «... Мы повелеваем составить на таковых началах полный Устав о цензуре, долженствующий заменить во всех частях изданный до ныне по сему предмету закон... сей устав а равно и Штаты Цензурного управления... повелеваем обнародовать для надлежащего исполнения... утвердив Положение /о правах сочинителей/... препровожаем... в Правительствующий Сенат для надлежащего исполнения» [3].

В XIX столетии уставы о цензуре неоднократно пересматривались. Это связано с излишним количеством императивных норм, которые сдерживали развитие творчества авторов. К примеру, правоведы-современники уставов о цензуре рассматриваемого периода обращали свое внимание на параграфы уставов, которые являлись для них «неясными, стеснительными», требующими к «обсуждению, уточнению, смягчению», «несправедливыми и вредными» [5]. Также они представляли свои собственные проекты по изменению и дополнению ряда статей уставов. Проект § 21 устава о цензуре 1828 г. предлагал следующее: «Никакие жалобы не принимаются, решение Главного управления цензуры считается вошедшим в законную силу и немедленно приводится в исполнение за пропущенные со стороны обвиняемого сроки на представление объяснения Главному управлению цензуры на подписание отзыва и на принесение Правительствующему Сенату апелляционной жалобы» [3].

Обращают на себя внимание предложения по изменению устава о цензуре, подробно рассмотренные составителем замечаний. Так, например, составитель указывал: «§ 14. Частные замечания. § 15. Обсудить. § 19. Обратить выгодно из главных начал (ненависть одного сословия к другому и подрывание согласия между ними. § 25 Несправедлив и вреден (зачем Высочайшая власть?). § 26. Преимущественно надобно уточнить. § 40. Иначе изложить. § 122. Книги иностранные. Надобно сказать: книги ввозимые из-за границы. Вообще глава вторая коротка. § 134. Не ясен, особенно конец. § 140. А как же все эти цензурные учреждения доставляют сведения местной полиции?» [8].

План 2го проекта замечаний на цензурный устав от 10 июня 1826 г. предусматривал: «сей устав не имеет определенных границ; по смыслу сих параграфов он содержит в себе смешение уголовных и полицейских установлений с цензурными; необходимость и возможность соединения в общий Цензурный Устав *Цензурные наказания для книг внутри России издаваемых и Цензурного наказа для книг из-за границы ввозимых.*» [8].

Выписка из письма из Москвы к Е.И. Елагиной в Орел о строгости нового цензурного устава, датированная 3 февраля 1858 г. сообщает о следующем: «все повесили голову от нового гнетущего цензурного устава. При комитете цензуры учреждаются 10 чиновников: по одному от каждого министерства. К ним будут относиться цензоры в касающаяся до их отдела, а московские газеты и журналы будут посылаться туда. Видите, что ничего нельзя печатать при этих условиях» [6].

Однако информация о вступлении в силу уставов о цензуре доводилось до сведения цензоров не всегда вовремя. Например, один такой случай приведен в записке о слухах в связи с пересмотром цензурного устава: «Уже несколько недель ходит слух, что министр просвещения намерен переменить Цензурный устав 25го апреля 1828 г. Поводом к сим слухам служило то, что в течение полугода закон утвержденный торжественно Государем Императором не приводим был в исполнение. Цензоры же

всегда ссылались на прежний устав в своих определениях, утверждая, что ... новый устав введен в действие предписанием министра, то они не почитают его действительным законом» [7].

Обратимся к частной переписке.

«Между тем из Риги пишут, что губернатор велел перевести новый устав для рижского цензора и хотел печатать сей устав, но удержался по дошедшим до него слухам, что устав будет скоро переменен и что в Дерпт даже не перевели онго и немецкий язык, ожидая перемен. При сем из Дерпта и Риги получают письма от профессоров и ученых с горькими жалобами. Они на сим новом уставе основывали свои литературные надежды... и вдруг получают известия, что происки и интриги подрывают один из лучших законов до приведения онго в исполнение» ... Цензоры не желают «лишиться представительских места в цензуре, таким образом, частные виды замедляют исполнение закона и стремятся к низвержению онго и общему согласию всех людей благонамеренных и беспристрастных» [7].

В другой переписке обращается внимание на замешательство чиновников, работавших над изменениями в устав о цензуре. «В разговоре с двумя литераторами в Москве Путятин высказал свои намерения. Оказывается, что он смотрит весьма здраво на цензуру и обещает сделать в ней весьма важные изменения. Он согласился вполне с теми требованиями, которые заявлены были в записке, составленной Катковым. Итак, Путятин обещает... хорошего касательно цензуры... Мы знаем по ответу, что можно говорить очень хорошо, и ничего не делать. К несчастью, совершенная дезорганизация Министерства народного просвещения, произведенная Пуятыным, удаление... всяких почти полезных деятелей подрывает самую лучшие надежды. Содействие таких людей как Толстой, Тихомадрицкий и др. едва ли принесет пользу Пуятыну. Так, например воскресные школы поступают исключительно в духовное ведомство. Радоваться этому конечно нельзя. Духовенство может конечно принести большую пользу для распространения грамотности, но достаточно ли у него для этого доброй воли, постоянства, энергии. Вот почему нужно ожидать, что школы не могущие существовать иначе как ценою самоотвержения со стороны учащих придут в упадок» [4].

В целях исследования российского законодательства о цензуре не только проекты уставов о цензуре могут привлечь свое внимание, но и другие документы, относящиеся к цензуре.

Например, проекты наказа цензорам, которые выступали как инструкции по рассмотрению сочинений. Согласно порядку производства дел в высшей цензурной инстанции (по Уставу о цензуре 1826 г. данной инстанцией выступал Верховный цензурный комитет, который собирался по инициативе министра народного просвещения) правитель дел Верховного цензурного комитета ежегодно давал наставления цензорам. Наставление цензорам рассматривалось в Собрании Верховного цензурного комитета, а затем представлялось министром народного просвещения на утверждение императору. Наставление цензорам рассылалось в цензурные комитеты для «их сведения и наблюдения» [9].

Проектом устава цензурного комитета Министерства внутренних дел предусматривалось компетенция полиции и надзор министерства внутренних дел рассмотрение афиш и небольших публичных объявлений [10].

Отдельно следует выделить разъяснения Временного комитета для рассмотрения проекта цензурного устава Министерства внутренних дел, в протоколе от 2 июля 1834 г. которого, отмечалось следующее: «...постановить правила ближайшего надзора за книгопродавцами, относительно получаемых из-за границы книг, для точнейшего сведения о всех поступающих к ним запрещенных сочинений и подобной отчетности в оных» [11]. В данном протоколе требовалось усилить контроль за поступающими сочинениями и составления подробной отчетности.

Несмотря на значительное количество несогласий на проекты уставов о цензуре, в принятых в 1826 и 1828 гг. уставы о цензуре предлагаемые поправки обнаружены не были. Принятый 10 июня 1826 г. устав о цензуре действовал менее двух лет, до 22 апреля 1828 г., когда был принят новый устав. Это объяснялось избыточным регулированием отношений сочинителей и цензурных комитетов.

Государственный архив Российской Федерации содержит разнообразные источники, связанные с рассмотрением проектов уставов о цензуре Российской империи. Данные материалы могут быть использованы при исследовании российского законодательства о цензуре XIX века.

1. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб. : Государственная типография, 1902. – 840 с.
2. Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права / Е. Н. Трубецкой. – М. : Т-во Типографии А.И. Мамонтова, 1917. – 226 с.
3. Материалы по пересмотру цензурного устава от 10 июня 1826 г. и разработке нового цензурного устава от 22 апреля 1828 г. (устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. (печатн.). Проект дополнительных правил к цензурному уставу 1828 г., проект дополнительного постановления к § 153–157 цензурного устава 1828 г., 1828 – 1835 гг. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1780.
4. Выписка из письма Феоктистова Е. из Москвы князю Орлову в Брюссель об обещании министра народного просвещения Пуятына С. В. смягчить цензурный устав и с высказыванием автора письма отрицательного отношения к передаче воскресных школ в ведение Синода, 13 декабря 1861 г. // ГА РФ. – Ф. 109 с/а. Оп. 3а. Ед. хр. 937.
5. Записка /без подписи/ с замечаниями на цензурный устав /?/ // ГА РФ. – Ф. 1155. Оп. 1. Ед. хр. 226.

6. Выписка из письма без подписи из Москвы к Елагиной Е.И. в Орел о строгости нового цензурного устава, 3 февраля 1858 г. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1801.
7. Записка о слухах по поводу пересмотра цензурного устава, 1828 г. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1789.
8. Уставы о цензуре (печатные) от 9 июля 1804 г. и от 10 июня 1826 г. (с правкой), план 2-го проекта замечаний на цензурный устав 1826 г., 1804–1826 гг. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1782.
9. Проекты наказа цензорам, 1828 г. // ГАРФ. – Ф. 109 с/а. Оп. 1а. 1826/1880. Ед. хр. 1784.
10. Записка об образовании цензурного комитета при Министерстве полиции (внутренних дел) (черновик) и проект устава цензурного комитета Министерства внутренних дел, 1826 г. // ГАРФ. – Ф. 109 с/а. Оп. 1а. 1826/1880 г. Ед. хр. 1788.
11. Протоколы заседаний комитетов для рассмотрения цензурного устава и пересмотра его, письмо Уварова С. С. Мордвинову П. Н. о числе ввезенных в Петербург книг в течение трех лет (1832–1834) и проект указа Сенату о цензурном уставе, 1828–1835 гг. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1781.

Фельдман Д.З.

ПРОШЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ ВЛАСТЯМ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Начало исследованию и публикации таких интересных и важных источников, как прошения или челобитные, в российской историографии было положено во второй половине XIX столетия. Что же касается еврейских прошений, то несколько таких документов из государственных архивохранилищ было введено в научный оборот в трудах князя Н. Н. Голицына [3] и видного еврейского историка Ю. И. Гессена [1; 2]. Традиция изучения прошений евреев в различные инстанции как ценных источников по истории и культуре евреев Российской империи была продолжена в исследованиях и публикациях ряда современных исследователей [4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 13; 14]. Имеются примеры современной публикации прошений российских евреев за рубежом, например, в сборнике «Everyday Jewish Life in Imperial Russia» [15], правда, собственно петиции властям (в основном, за вторую половину XIX – начало XX в., в переводе на английский язык) в нем занимают довольно скромный объем. Однако сколько-нибудь цельное осмысление еврейских прошений российским властям в качестве особого социального и культурного феномена в историографии пока отсутствует.

Законодательство о подаче прошений на высочайшее имя в Российской империи, периодически изменявшееся и дополнявшееся на протяжении XVIII–XIX вв., предполагало обращение со стороны исключительно частных лиц. Прошение следовало подавать через представителей местной администрации, которой был подчинен проситель, хотя и предполагалась конфиденциальность. Причем нарушение субординации допускалось только в исключительных конфликтных ситуациях, например, в случае подозрения в адрес непосредственного начальства, и тогда проситель должен был быть готовым обосновать свои подозрения на следствии и в суде. Практика непосредственного «доступа к телу» государя не исключалась, но была строго регламентирована ритуалом: просить можно было только по частному, семейному делу. Прошение могло содержать как жалобу на незаконность каких-либо действий, так и просьбу о милости, помиловании, отмене вынесенного на основании закона приговора, о неприменении закона в конкретном случае. Данная практика указывает не столько на пренебрежение к писанным нормам, сколько на иную логику и иное понимание того, кто в состоянии установить «истину» в конкретном деле: представители администрации, руководствуясь общим для всех описанием подобных обстоятельств в законодательстве и общей логикой, или государь, который вправе своей волей менять общие постановления. Существовало запрещение писать «скопом» и обращаться от коллективного имени, от лица сословия (исключение в ряде случаев составляли губернские «дворянские общества»), корпорации, полка или общины. Запрещалось подавать прошения за подписанием более одного человека, в противном случае такие прошения не только следовало уничтожить (сжечь), но и сами подписавшиеся нарушители должны были подвергнуться «законному взысканию».

Особое внимание при составлении и подаче прошений на высочайшее имя уделялось официальному обращению к монарху. В частности, вскоре после вступления на престол императора Павла I, 12 декабря 1796 г., был принят именной указ «О титуле Его Императорского Величества», в котором раздел VII «В прошениях» содержал следующую формулировку: «Всепресветлейший, Державнейший, Великий Государь, Император Павел Петрович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловивейший! Просит имрек на имрека, а в чем мое прошение, тому следуют пункты (и писать пункт за пунктом). А по окончании пунктов в начинании прошения писать тако: И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было (и писать прошение). А в окончании: Всемиловивейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить» [9, с. 231].

Практика же подачи и рассмотрения еврейских прошений (петиций или ходатайств) несколько отличалась от охарактеризованной выше законодательной нормы. Так, официально допускалась подача